

Когда-нибудь не останется ничего, кроме голосов с того света...

Не дают покоя две фотографии, которые Валерий Слободчиков всюду возил за собой. Они висели на стене его кабинета в редакции «Алтайки», они кочевали с выставки на выставку (это было во времена, когда Слободчиков всерьез увлекся фотографией и выставлял свои работы в разных присутственных местах). Они были в маленькой избушке в Семёновке, где прожил он без малого три года. Сейчас они в музее Староалейки. И еще — скоро появятся у меня.

На выставочных стендах под фотографиями значилось: «Потерянные берега». На одной и другой — берег реки Илим. Под баян танцует дядя Саша, другие родственники. Казалось бы, картина праздника, веселая гулянка... Но непонятная оторопь и вслед за ней удивление охватывают при внимательном взгляде на фотографии. Как, каким образом удалось фотографу (снимал сам Валерий Слободчиков) передать в этом

вроде бы радостном сюжете тоску заброшенности, тревогу за одичание мира, за наши бесчисленные потери — уму непостижимо! Отсюда он сам родом, из Иркутской области, из деревни Большая Илимского района, когда-то крупной перевалочной базы купцов и путешественников, отправляющихся на восток. Усть-Илимское водохранилище затопило тридцать деревень, в том числе и родную деревню Валерия Слободчикова, повторив судьбу ангарской Матёры, участь которой так щемяще-трогательно и больно описал Валентин Распутин в своей известной повести.

Вот откуда у Слободчикова, оставшегося без кровного места на земле, боль за пролетающие, как косой дождь, минуты, за человеческое сиротство, за прекрасный мир, который, несмотря ни на что, держит покуда нас, неразумных, на своих ладонях.

Как бы вторя грустному началу этого повествования, Валерий пишет в предислании к книге «Искренне Ваш» (Валерий Слободчиков, «Искренне Ваш», стихотворения в прозе, Барнаул, 2002):

С годами все чаще пишу некрологи
И в записной книжке чёрными чернилами
Подолгу рисую рамочки
Вокруг дорогих мне имён...
Но без начала конца не бывает,
и, пересилив боль сердца,
я вновь становлюсь на струну жизни,
об ушедших храню Память,
живущим несу Слово,
презирая обман и чёрную зависть,
под каждой строкой мысленно пишу еще тверже:
— Здравствуйте, люди, я искренне Ваш!

Не знаю и уж теперь не узнаю никогда, почему Валерий определил эту книгу как сборник стихотворений в прозе. Вся проза, а ее не так много у него, поэтична, если иметь в виду язык, краски, тон и нерв повествования. Есть «Затеси» у Виктора Астафьева, «Камешки на ладони» у Владимира Солоухина, «Орешки» у нашего земляка Евгения Гущина. Короткие и яркие заметки

«на ходу» по тому или другому поводу. Видимо, к этому жанру и хотел приблизиться Слободчиков. Об этом говорит и надпись, открывающая цикл стихотворений в прозе (по сути, повторение отдельного сборника «Искренне Ваш») в книге «Передать по наследству» (Библиотека журнала «Алтай», Барнаул, 2008) — «Узелки на память».

И вот один из узелков «Отец, мы сравнялись годами»:

Стопка с водкой.

Сверху хлеб, посолённый круто.

На пунцовой парче награды:

два ордена Красной Звезды

(с уголков откололась эмаль),

Счет медалям открывает «За боевые заслуги»...

— Здравствуй, батя.

Сегодня 9 мая.

Стол накрыт.

За тобой, как и прежде, первое слово...

Вот только дождёмся к застолью внука...

Три красных гвоздики к портрету.

Рука молодая пробежалась

По выцветшим лентам колодок медалей...

— Сын, что так пристально смотришь на деда?

— Слышишь, батя,

Вы с дедом сравнялись годами...

Выпита стопка. Затянулась минута молчания.

Память горько-солёной слезой

Просочилась сквозь годы...

— Что нам скажешь, отец?

— Спасибо за память.

Идите на площадь,

Там люди, там всегда молодая Победа.

Родню, свои истоки, родные места, давно забытые многими, Валерий вспоминает очень часто. Издалека это идет, издавна. В предисловии к своей самой первой книге рассказов (Валерий Слободчиков, «Окнами на солнце», Алтайское книжное изда-

тельство, 1979) он пишет: «Разные люди живут на моей улочке. Добрые, странные, веселые, грустные, но все они по-своему интересны. Не потому ли мама, провожая меня в дорогу, всякий раз говорила: «На письма не ленись, не забывай отчий дом, людей, среди которых вырос, помни, не чужие они тебе, ты с ними улицей нашей сроднился. А трудно будет, вспомни, что село наше стоит окнами на солнце».

Очерк этот пишу я без хронологической последовательности. Объяснения этому тоже не найти, может, потому что вся жизнь человека, о котором пишу, неровная, даже, если сказать точнее — рваная. Вот строчки читателей и почитателей Слободчикова из Интернета:

— Валерий Александрович всю жизнь метался между журналистикой и писательством. Газетчина тяготила его, но надо было зарабатывать на хлеб. Слободчиков — автор нескольких, я считаю, классических, рассказов. «Окнами на солнце» — великолепная книга! Благодаря этим рассказам, в 1970-х, ему прочили большое литературное будущее. А потом — семья, работа, несколько неудачных браков, суета с Союзами писателей и журналистов, газетная поденщина. В конце 1990-х он спохватился, но было уже поздно. Талант растратил на суету и пустяки. Когда-то мы жили рядом, через дорогу, в Индустриальном районе, часто встречались и общались. Планов у него было — громадьё. Таких людей нельзя забыть...

— Имя Валерия Слободчикова — это визитная карточка алтайской журналистики.

— Намного старше, намного мудрее, профессиональней, но с нами, пехотой новостийной, общался всегда на равных. Держался подальше от кабинетного паркета, старался чаще быть в географических и исторических дебрях, где и находил свои удивительные истории, невероятные, но абсолютно реальные, из настоящей жизни настоящих людей. Зазывал в свою резиденцию «в Семёновку к Тунгусу». Его экспедиции по местам «белых пятен истории» Горной Колывани были максимально точны и приносили массу материала. Великий Человек Великой Эпохи.

— Всегда первым делом искал в свежей газете его публикации. Потому что правдиво и верно!!!

— Достал с полки «Зачарованную Колывань» — фотографии просты, без лоска придворных фотографов, текст легкий, обыденный, как будто с тобой разговаривает твой старый и хороший друг. Спасибо Вам, Валерий Александрович, за Ваши книги, за ваш след в культуре нашего края.

Из автобиографии Слободчикова Валерия Александровича:

«Родился 19 июля 1948 года. Отец, Слободчиков Александр Васильевич, сельский учитель. Войну прошел от Москвы до Берлина, от рядового до майора. О войне рассказывать не любил. Мать — Слободчикова Нина Борисовна. Самый близкий мне в жизни человек. С начала войны и до последних лет жизни работала секретарем, а затем председателем сельского Совета, объединяющего шесть таежных деревень. К сожалению, из жизни родители ушли очень рано.

В 1970 году окончил исторический факультет Иркутского пединститута. Распределен был директором Заморской восьмилетней школы, но решением Нижнеилимского райкома КПСС направлен в районную газету «Маяк коммунизма» на должность радиоорганизатора, а затем заведующего отделом писем. Писать начал еще в школе, первые стихи и зарисовки опубликованы в родной районке, в которой и довелось работать после института.

Своим приездом на Алтай в газету «Молодежь Алтая» обязан давнему другу Харьбину Александру Андреевичу. Мы познакомились с ним летом 1970 года на севере Иркутской области. А осенью Саша провожал меня в армию. В августе 1972 он буквально подобрал меня на улицах Иркутска (прописки нет, случайный заработок) и увез на свой родной Алтай. Месяц я писал «Колонку репортера» в газету «Молодежь Алтая» (120 строк в номер со словом вчера), а затем был взят в штат. «Молодежку» считая первой и главной журналистской школой.

Был первым свободно избранным председателем Союза журналистов Алтая, приложил руку к первому российскому «Закону о СМИ...».

Жизнь без неприятных ситуаций — это такая скука... Сгорела мечта. Не хватило дыхания и средств, полушага до выхода пилотного номера журнала «Рыболов и охотник Сибири». Силы-то были,

а вот дерьма денег... И опыта в подборе партнеров не хватило! А еще подвела доверчивость и излишняя откровенность. С тех пор боюсь людей, больных черной завистью. В результате залез в долги, сломался морально. Но вовремя включилось самолюбие. Рядом был сын, друг, семья друга. Поднялся. Окреп. За год открыл две газеты, выпустил книгу прозы. И окончательно утвердился во мнении: не имей сто рублей, а имей... Сто — это, конечно, явный перебор, но четырех верных друзей имею.

Автор двух книг прозы (примечание: на момент написания автобиографии). «Окнами на солнце» (сборник рассказов, 1979 г.). «Бессонница» (рассказы, повесть, узелки на память, 1999 г.). Публиковался в журналах «Алтай», «Наш современник». Учредитель журнала «Рыболов и охотник Сибири». Причастен к открытию двух газет — «Охотничье братство» и «За возрождение промышленности».

На мой взгляд, в современной журналистике ощущается дефицит публицистики. А беда в том, что искусственно, через экономические рычаги, государством принижен престиж нашей профессии. В результате получается поденщина. А скороспелая картошка до новой весны не хранится.

Своей профессии учился у многих хороших людей, порой даже очень далеких от журналистики. Особо выделять кого-то не хочется.

По жизни иду с девизом: «Будьте здоровы и удачливы!» Верю в человека и мать Природу.

В окружающем мире хотел бы видеть больше зеленого и синего цвета. Но, к сожалению, серых тонов с каждым годом прибавляется. И все же хотел бы смотреть на мир и жить в нем с оптимизмом.

Из современников особо почитаю и ценю за творчество и человеческие качества Виктора Петровича Астафьева. По памяти много читаю из Николая Рубцова. Постоянно со мной (даже в дороге) Иван Алексеевич Бунин. По-рыбацки страстно люблю Аксакова. Очень давно не перечитывал Джека Лондона и Эдгара По. Добрался, наконец-то, до Вячеслава Шишкова и в который раз уже вместе с ним возвращаюсь в родные места, на «Угрюм-реку».

А современникам могу дать только один совет: «Будьте здоровы и удачливы! Во благо общества!» Поверьте, я говорю это со всей искренностью, а не в поисках высоких слов».

В 2005 году Валерий и Людмила Слободчиковы сделали, казалось бы, невозможное: они организовали и провели фестиваль «Дни сибирской книги на Алтае». В то время «Имидж-студия Слободчиковых», семейное издательское предприятие, уже издала несколько красочно оформленных книг и альбомов, она набирала обороты. Но не имела еще столько свободных средств, чтобы пойти на такие траты. Забегая вперед, скажу, что все расходы по организации фестиваля и приглашению гостей Слободчиковы взяли на себя. И тем не менее супруги решили, что время настало. Из газеты «Вечерний Барнаул»: «Фестиваль сибирской книги в Барнауле прошел впервые. Ничего подобного раньше не проводилось, но дело вышло сразу заметным — масштабным, уникальным и перспективным. В течение двух дней — 7 и 8 декабря — в Краевой универсальной библиотеке имени В.Я. Шишкова проходили круглые столы, творческие встречи и выставки-продажи книг. Не было бы в этом ничего необычного, если бы не размах: в столицу края съехались писатели, редакторы журналов и издатели из сибирских городов — Новосибирска, Кемерово, Иркутска. Москва не Сибирь, но и оттуда тоже были представители.

Такая встреча назрела — долгие годы писатели различных регионов Сибири, да можно говорить — и всей страны, живут в полном вакууме. Когда-то связи были тесными, а издание и реализация книг не сравнивались с производственным подвигом. В настоящее время пришло осознание: для создания и воплощения каких-либо культурных проектов нужно объединяться регионами. В итоге и вся работа «Дней» прошла под негласным девизом: писатели Сибири, объединяйтесь!» («Вечерний Барнаул», 16 декабря 2005 г.)

А вот письмо по этому поводу известного поэта Анатолия Кобенкова Слободчиковым:

«Дорогие Людмила и Валерий! Рад, что организованные Вами дни имеют такую прессу. Хочу поблагодарить Вас за хорошие дни моей жизни, которые обязаны своей хорошостью исключитель-

но Вам. Рад был побывать в Вашем городе, в Вашей библиотеке, в Вашем доме, в котором тепло и хлебосольно. Спасибо, что предоставили возможность поклониться Вильяму Яновичу Озолину и Володе Башунову. Спасибо за библиотеку и ее хозяйшек — Тамару Ивановну и Маргариту. Спасибо, что одарили встречей с моим другом Володей Берязевым, близкими мне Сашей Родионовым и Толей Кирилиным, Сережей Донбаем и Толей Байбородным. Спасибо за девочек — Лену и Таню, я жду от них стихов. С «Литературкой» договорился на следующую неделю. Обнимаю, Ваш Толя».

Чтобы не возвращаться к подробностям биографии, несколько слов в дополнение к написанному самим Валерием. В 2001 году он становится лауреатом премии главы администрации Алтайского края за цикл статей о возрождении промышленности Алтая. В майские дни 2001 года Слободчиков награждают дипломом победителя VII всероссийского журналистского конкурса «Лучшая публикация по проблемам топливно-энергетического комплекса России 2000 года». В мае 2001 года его принимают в Союз писателей России.

Он был обозревателем отдела экономики и финансов газеты «Алтайская правда», главным редактором проекта «Алтай: XXI век. Имена. Дела. Судьбы» (этот проект он реализовал к 70-летию края: несколько прекрасно изданных, искусно иллюстрированных томов об истории Алтая, людях, прославивших его), ответственным секретарем Алтайской краевой общественной организации профессиональных писателей.

Слободчиков — победитель межрегионального конкурса журналистского мастерства «Сибирь — территория надежд» (2001–2002). Лауреат премии «Возрождение», учрежденной Союзом промышленников Алтая и Алтайским банковским Союзом, за серию очерков об экономике края (2002). Было множество краевых премий и дипломов.

Последняя его должность — собкор «Алтайской правды» по Змеиногорскому и Третьяковскому районам.

Эта должность — отдельная история. За пару лет до выхода на пенсию Валерий приобрел маленький, если не сказать кро-

хотный домик в деревне Семёновке, бывшем стане геолого-разведывательной партии, можно сказать, заброшенном. Всего несколько домов оставалось на этой территории. Название приросло от настоящей деревни Семёновки, которая находится в полутора километрах от бывшей ГРП. Появление Валерия в Семёновке и любовь к ней, по-юношески вспыхнувшая с первого взгляда, — это особый разговор. В ту пору главным редактором «Алтайской правды» был Александр Фёдорович Козлов. Человек своеобразный, неглупый, из журналистов (работал собкором «Парламентской газеты»). К нам на Алтай приехал из Казахстана. Страстный рыболов и охотник. На этой почве и сошлись они с Валерием Слободчиковым, оказавшим дружескую поддержку чужаку и в житейских, и в профессиональных делах. А им, пришлым из других краев, ой как нелегко прижиться среди местного населения сибирских городов и прочих поселений. И места рыбацкие показал Валерий, и охотничьи угодья. Слободчиков был отменным журналистом, но, приближаясь к своему шестидесятилетию, пресытился журналистской беготней по горло, попросту говоря, начал пренебрегать работой, сбрасывать ее на подчиненных. В голове неотступно сидела Семёновка с домиком, с кабинетом и рабочим столом, где никто не помешает писать рассказы и повести. Козлов, помня добро, открыто называя Слободчикова единственным человеком, оказавшим ему дружеское внимание на Алтае, мирился с прохладным отношением Валерия к работе. К тому времени число собственных корреспондентов газеты, аккредитованных в различных районах края, неуклонно сокращалось: оптимизация не прошла мимо главной газеты края.

И вот Валерий Александрович, ни дня не собираясь задерживаться на службе, уходит на пенсию, а главный редактор жалуется ему место собкора по Змеиногорскому и Третьяковскому районам со штаб-квартирой в Семёновке. То есть Слободчиков останется в штате. Как бы смешно это ни выглядело (в зиму из малой Семёновки до большой не доберешься, какие уж там Змеиногорск и Третьяки! А зима у нас — полгода!), статус сотрудника краевой газеты за Слободчиковым сохранен. И зарплата тоже. Низкий поклон Александру Фёдоровичу Козлову.

Из рассказа «Аз, буки, веди...»

«... — Аз, буки, веди, — прошептал я и положил на холмик охапку цветов, мокрых от росы.

Аз, буки, веди. То был первый урок грамоты. И было мне шесть лет.

Дед стребал с верстака стружку и раскладывал самодельную, сколоченную из тоненьких палочек, деревянную азбуку. Почернела от времени азбука. Руки деда осторожно перебирали буквы. Руки были землистые, с узлами взбухших вен. «Это корни дерева мудрости», — догадался я много позже.

Нет моего старика и больше не будет.

Аз, буки, веди... Со временем дед открыл для меня еще одну азбуку, азбуку леса и жизни...

...Вез меня на вокзал колхозный шофер Толя. Провожала тетка Матрёна с Александром. Тот, пьяненький с утра, небритый, тыкался щетиной мне в лицо.

— Ты приезжай. Плюнь на дела и по осени — недели на три. Побелкуем. Ты ж в деда, удачлив должен быть.

Я согласно кивал, хорошо зная, что не приеду. Город караулит человека тысячами дел.

Подошла тетка Матрёна. Расцеловав в обе щеки, протянула сверточек.

— А это тебе от деда. Памятка. Мастерскую колхоз забрал. Дай бог, чтоб хозяин ей был добрый. Только буквы и остались. Перед смертью велел тебе передать. Ты ученостью-то себя не перетруждай. Вон, говорят, Борька Лыков через то облысел...

...Резко дернулся ГАЗик. Пыль струйками брызнула из-под колес. И вмиг все померкло, закружилось: Александр, тетка Матрёна, ферма, машинный двор и еще что-то, совсем неразличимое. До боли в глазах вглядывался я в убегающую дорогу, а руки сжимали сверточек, перевязанный синей тряпочкой. Аз, буки, веди...
Деревянная азбука.

Я еще раз прощаюсь с детством. Это было уже со мной и повторится еще не раз. Нужен только этот маленький вокзал, где встречаются близкие, знакомые. Чужой человек здесь такая же редкость, как в моем городе лошадь».

Подготовка к отъезду в Семёновку, долгие и трепетные сборы сопровождались составлением планов на жизнь вдалеке от больших городов. Вдова Валерия Людмила Слободчикова вспоминает об этом:

— Семёновка очень напоминала Валере его потерянные берега. Чем? Сейчас трудно сказать. Может, отношениями между людьми, укладом жизни, черновой тайгой почти за калиткой усадьбы, Черепанихой с перекатиками и несметным количеством пескарей, редким изысканным хариусом...

«Как у нас говорили, как в детстве», — уговаривал он меня на Семёновку.

А еще аргумент — были планы вести свою жизнь на два дома — Барнаул и Семёновка. Развивать проект, который обозначили мы как культурно-просветительский. И в перечне услуг, который был у меня, в моем индивидуальном предприятии, были услуги туристические (с задумкой на будущее). Поэтому и усадьба на двадцать пять соток, а не шесть. Чтобы можно было поставить пару-тройку гостевых домиков, а может быть, и Антон (сын Валерия) потом присоединится... Евгений Роговский (в то время управляющий Алтайским отделением «Россельхозбанка» — А. К.) тоже в своей родовой деревне задумал создавать историческую усадьбу, с возможностью туристам поработать в кузне, на ткацких станках, поработать на огороде, подоить корову... Шутил: «Буду к вам в Семёновку на бричке ездить, чай из самовара пить...»

Говорили с Валерой о том, что будем делать сувениры, готовить мешочки с заветными травками семеновскими, привлекать местных мастериц из окружных деревень (работы-то нет, вот бы они зимой вязали, шили, вышивали), делать сувениры из камней колывановских (для этого и на завод ездили, с директором разговаривали, как можно мелкие отходы использовать, что могу помочь с дизайном современным, интересным для молодежи и людей зрелых...), для этого и станок купили, чтобы мелкую работу можно было самим исполнять (камешки разрезать, отшлифовать, отверстие просверлить), для этого и лобзик электрический я Валере подарила.

Думали о привлекательности Семёновки для VIP-персон, где они могли бы уединиться и поохотиться, побродить в тайге, по-

париться в баньке с травками и медом, на свежем молочке, деревенской сметанке и яйцах. Благодаря нашему уже обкатанному проекту (книжной серии, фотовыставкам, презентациям, публикациям в СМИ) список персон огромный, доверие сформировано, мы думали о том, что могли бы создать камерное, свое, индивидуальное заветное местечко для душевного отдыха и восстановления.

Планировала я и проведение тренингов, психологических консультаций с использованием проективных методик, колыбанных камушков...

Создание буклетов, открыток, карманных книжек и подарочных, представительских, справочно-энциклопедических книг с рецептами, легендами... Несколько книг и книжек я описала, поделилась с Валерой, он поддержал (лежат у меня в архиве, не могу все еще отказаться от этой мечты). Благодаря Интернету целый цикл предпечатной подготовки можно вести дистанционно, поэтому все складывалось...

Много чего было задумано. Семёновка должна была развиваться и главное, за то время, что мне до пенсии, — построиться, встать на ноги, приобрести популярность и стать стабильным источником дохода, обеспечивающим постоянную жизнь в ней.

Из окна Валериного дома в Семёновке виден частокол островерхих пихт на фоне тающего неба. Такое же небо с пихтами у меня над рабочим столом в городской квартире. Там — картина художника Дия Комарова «Весенняя путаница». И нынче весна. Тепло пришло, отметилось еще в середине апреля, да задержалось где-то на дороге, и вот уж день Победы, а все холод. Черемухи вяло зацветают по склонам, но совсем не дают запаха. А зачем она тогда, черемуха?

К ночи живых собеседников не остается, разбредаются, приближаясь к своим домам, ко сну. К разговору приходят ушедшие давно и не спящие нынче вовсе. Живы и неутомимы их вечные души, которые, как известно, бессонны. Коля Шипилов не добрался до Семёновки, не успел. А Валера, хорошо знакомый с Николаем, хотел бы видеть его здесь. Когда деревня была у Слободчикова еще в далеком проекте, Коля писал:

«Почти десять лет бежит моя тень за тенью родины. Искать ее — все равно что искать мой городок Китаевск на пачке «Беломорканала». Я обиделся на народ, на рабствующую Россию. В девяносто четвертом в Калуге едва не женился на хорошенькой немке по имени Петра, чтобы уехать туда, где можно немотствовать, пока не закопают в ямку. Но — хранил Господь! — на немке по имени Петра женился один мой благополучный приятель. Я потерял сон и съезжился от болезненных сновидений. Лишь в разъездах по «территории» я отсыпался, потому что внушал себе надежду, что еду от тьмы к свету. Половину последнего года прошлого тысячелетия я жил у друга в заграничном уже Крыму. Спал, ел и ничего не хотел. Научился, не вставая с дивана, из «положения лежа», щелчком отправлять скомканную газетную четвертушку в мусорное ведро. А когда отоспался и когда смутно захотел жить, то стал смотреть в телевизор.

Я увидел в нем крупнокалиберные пулеметы на зубцах старых стен Генуэзской крепости. И это курортный Судак? И это киммерийские мои холмы? Я смотрел, как с прутьями арматуры и бейсбольными битами идут мусульманские боевики прямо на объективы телекамер...

Люди говорят, что они берут русскую землю по всему Крымскому побережью. И прошлым летом отряды меджлиса прилежно атаковали Южный берег. Идет нашествие, захват жизненного пространства для мусульман.

«Из русских тут выживут только придурки-сталкеры... — сказал некий лысый жук-носорог в ходе беседы с дятлом-телеведущим, который дробненько, с пониманием смеялся. — Объясните мне: а что такое собственно русские — прилагательна или существительна?»

Я бы объяснил ему по зубам, но с этим ящичком Пандоры, связь, как известно, односторонняя. И они стали бойко объяснять мне, что русские — это нечто наднациональное. Меня охватила ярость. Да, нам, русским, не повезло. Выбор у нас невеселый и небогатый, но он есть. Я найду его. Так началось крымское оздоровление».

Валера читал эти строки и переживал, мучился по-своему, потому как у каждого совестливого человека совесть живет на свой

манер. Она есть часть души, продолжение ее или сама душа, а та, как известно, неповторима.

Есть у Слободчикова цикл очерков, который мог бы составить целую книгу, — «Запоет ли гудок заводской?» Он первый — когда российский мир еще не насытился торжеством по поводу прихода новой экономики — засомневался, запечалился, встревожился о промышленном производстве страны, края. И... Как подгляд! Это ли не главное достоинство писателя-публициста — увидеть раньше других, предвидеть, предупредить!

Вот самое начало цикла «Запоет ли гудок заводской» в книге «Река времени»:

«...Наивно полагая, что имею право на серьезные обобщения в области экономики, я собрал в редакции представителей самых различных экономических школ и политических взглядов, чтобы ни много ни мало спросить:

— А что, отпел гудок заводской?

Что тут началось! От нашего громкого спора сотрясались все девять этажей издательского корпуса, дым стоял коромыслом, чайник кипел, не переставая...»

Далее Валерий Александрович приводит высказывания своих гостей, среди которых были действительно крупные специалисты и ученые. И с сожалением замечает, что рецептов, как вытянуть из ямы российскую экономику конца XX века, ни у кого нет. А что касается констатации... Далее в очерке.

«Согласно прогнозу Минэкономки РФ, к 2001 году общая численность безработных в России достигнет 14,4 млн человек, что на 71% больше, чем на первое ноября 1998 года (8,4 млн безработных, или 11,6% экономически активного населения) ... Оттолкнувшись от сухих цифр, хочу напомнить, что когда-то существовало понятие, приравненное к лозунгу, и называлось оно человеческим фактором. Им определяли уровень благосостояния и наше место в жизни общества.

Выцветший лозунг еще в годы перестройки стали выворачивать наизнанку. Но показать другой стороной не успели, потеряв его в суете рыночных отношений. А экономика, как король без одежды, без человека осталась голой. А на что способна раздетая экономика? И кому нужен человек, оторванный от нее?

Когда-нибудь ученые-социологи и экономисты дадут оценку нынешней жизни россиян и все расставят по полочкам. Но это будет когда-то, а учиться жить надо уже сегодня.

В моем репортерском блокноте годами зашифровывались людские судьбы. Этакие заготовки будущих повестей и рассказов. Но работа над записками «Запоет ли гудок заводской?» показала, что нельзя все припасать на потом, что есть понятия, которые, прежде всего, нужны своему времени...»

Человеческий фактор... Человек. И тут Слободчиков остается верным себе. Увертюра, прелюдия — как хотите, но первое слово о нем, о том самом, о соотечественнике, по которому эпоха катком прошла. «Сирота Казанская», так называется... Нет, очерком это назвать — перо не подчиняется. Это плач, это стон, это оплакивание целого мира человеческого. Автор рассказывает историю Лидии Игумновой, молодого перспективного технолога крупного завода, которая затем стала руководить учебным центром, готовящим специалистов для предприятий. Грянула перестройка, смывшая своей волной и предприятия, и учебные центры. Лидия отправилась челноком на границу с Китаем. Потом торговый пяточок на рынке, потом новосибирская оптовка, потом заложенная материна квартира под товар, который похитили по дороге, потом бандиты на Казанском вокзале, спихнувшие под электропоезд тележку с товаром. Потом... Умерла мать. Лидия понемногу приторговывала, чтобы лишь с голоду не пропасть. Потом... Пусть автор доскажет.

«Последний раз я разговаривал с ней в августе, на ее дне рождения. Сетовала, что окончательно спивается ее родная деревня. Комок на въезде, другой на выезде. «Паленку» хлещут, да так притерпелись, что не берет отравы сырых.

Погуляли и мы. Негромко, но основательно. А на другой день к вечеру пришедшие на опохмел товарки нашли Лидку в петле. Она повесилась на колготках, привезенных ею накануне с новосибирской оптовки. На диване аккуратно лежал последний наряд, а к коврику была пришпилена записка в четыре слова:

«Виноватых нет. Просто устала».

И вот вчера мы похоронили Лидку. Сироту Казанскую. Так ее

звали на городском рынке, где она держала торговое место, которое пока еще никем не занято.

А я знал Лидушку Игумнову — пепельные волосы и теплинка в огромных серых глазах. Когда-то, кажется, совсем недавно, она была своей и очень нужной на большом заводе... Поминальный стол сдвинули в прирыночном кафе. На закрытые двери хозяин повесил табличку «Спецобслуживание».

За помин души Лидии Егоровны Игумновой пили:

Я, написавший эти строки.

Верочка, которая к лотку с рыбой пришла от ткацкого станка.

Витёк, когда-то радиозаводской человек, а нынче приторговывает сигаретами.

Зареванная Маринка, по эскизам которой большой комбинат выпускал красивые ткани.

Пижон Кирилл со скобяного развала. Между прочим, автор четырех монографий.

А всего поминальный стол собрал 48 человек. И смею вас заверить, что были это еще не так давно совсем не лишние в своем Отечестве люди».

Сердце рвать — не задача Валерия Слободчикова, задача другая — достучаться до сердец.

Вот что написал в послесловии к книге «Передать по наследству» писатель Юрий Козлов:

«Вы открываете книгу и, прочтя несколько страниц, испытываете ощущение, будто из клепального цеха судоверфи попали в мир тишины и мудрого покоя. После набивших оскомину суперменов, непотопляемых сыскарей и громил мафии герои Валерия Слободчикова из другой вселенной. Они не утратили человеческих чувств и достоинства, хотя и переживают их, понимают каждый по-своему, как писано на роду. Они живут в глубинке, неторопливы, рассудительны, правдивы, духовно щедры. Вслушайтесь в слова тетки Матрёны, взгляните в деда Терентича, повнимайте бабе Фросе и бесхитростному старику Никишину, понаблюдайте не спеша за Иваном, Кешкой, Виктором Большаковым...

И за литературным героем автора — тоже. Есть соблазн поставить их в один ряд с шукшинскими пашками, веньками. Они близки, может быть, даже родня. Но дальняя. И не только геогра-

фически. Герои Слободчикова живут лишь им присущими заботами, живут трудно и распевно. Они не очень громки, а их шутки неназойливы и щадящи. Но именно в этом угадываются черты характера целого народа. Немного беспечного, но и крутого: не замай!

Под стать героям и автор, который выдал на суд читателей всего себя: повествователя, рассказчика и миниатюриста, где два первые сливаются с поэтом и философом. Речь об «Узелках на память», небольших и просто крохотных по объему, но певучих и многозначных, как все живое в нашем многомерном мире.

Вчитайтесь, вслушайтесь, вдумайтесь: «Стебелек обрастает веточками и тогда становится деревцем. Человек к жизни тянется вопросами-листочками, чтоб потом в них играли ветры памяти. Вот и я хотел бы дожить, чтоб поселиться в кроне вашего сознания...»

Думается, уже поселился. Прочно, основательно, как и его литературные герои. А впереди новые мучительно-радостные поиски персонажей, образной речи, точного слова. Писательство — непрерывный процесс и днем, и ночью, как работа живого сердца. Это не профессия, а особое состояние души, когда, сказав аз, буки, веди, нужно сказать еще много и непременно зажечь свою звезду победы».

«Впереди непрерывный процесс»... Одно из стихотворений в прозе Валерия Слободчикова заканчивается так:

Нет, друг Пашка,
Видно, рано ставить точку,
Главного-то слова я еще не нашел...

Эта нескончаемая надежда на продолжение, на завтра, когда вот-вот уйдут пустые хлопоты и он возьмется, наконец, за большое, за главное... пронизывает немалый отрезок жизни Валерия, причем той ее части, когда откладывать уже нельзя, уже некуда отодвигаться. В его юбилейной книге «Передать по наследству» (издана в 2008 году, когда автору исполнилось 60 лет) в аннотации приведены слова Валерия Александровича: «Но главная работа — впереди. Я живу предчувствием долгой погожей осени».

А почему нет! — скажете вы. — Не может же, в конце-то концов, надежда быть тормозом, помехой, камнем преткновения! Как знать, как знать...

Необходимые пояснения.

Почему у Слободчикова было прозвище, перешедшее затем в литературный псевдоним, — Тунгус. Иногда он подписывал свои творения таким образом. Сам объясняет так:

— В свое время я пытался отследить истоки своего рода. Отследил до времен Ермака. Был среди моих предков казак Слобода. Вместе со своей ватагой он основал немало деревень в долине реки Илим... Ну, и представьте: какой казак без женщины? Брали в жены эвенкиек. Во мне есть примесь эвенкийской, или, если по-старому говорить, тунгусской крови. Мои прадед с дедом были охотниками — и я еще захватил времена, когда рядом с русскими охотничьими угодьями были тунгусские.

Или про рыбалку. Знатный был рыболов, удачливый. И, как уже упоминалось, даже газету про рыбалку организовывал.

— Ну, как мне не быть рыбаком, если родился и рос на реке! Больше всего запомнилось, как я поймал своего первого хариуса на таежной речушке Чёрной. Было мне лет семь, наверное. Дед вырезал мне тальниковое удилище, и я поймал хариуса граммов на семьсот. Хотя и ужасно боялся змей (а ими просто кишели местные буреломы), несся я к деду как на крыльях... Для меня рыбалка — это великое отдохновение. Раньше я и охоту любил, но после трагической гибели старшего брата как отрезало... В последнее время вообще рыбачу с фотоаппаратом. Благодаря ему я лучше стал видеть природу.

Любовь к путешествиям. Здесь случай особого рода. Потому как у Слободчикова помимо нормальных желаний повидать красивые, труднодоступные места, испытать себя, посидеть у костра за ухой по-слободчиковски (когда уха практически готова, необходимо бросить в нее березовый уголек и вылить стопку водки), всегда есть задача особого рода. Пример. Книга «У колыбели Царицы ваз» (2003 год) — по сути, дневник таеж-

ного похода, посвященного 200-летию Колыванского камнерезного завода. Об экспедиции, прошедшей дорогой Царицы ваз. В 1831 году тысячеголая артель горняков под «Дубинушку» два месяца тащила на Колыванскую фабрику глыбу яшмы, а затем камнерезы выточили настоящее чудо — Царицу ваз, равной которой нет в мире. Ваза находится в Эрмитаже. В 1983 году было найдено место, где от скалы была отколота глыба. Там установлена мемориальная доска с текстом. И вот в поход отправились одиннадцать добровольцев, разных по возрасту и по характеру. Они пройдут через тайгу и перевалы путем, которым сотни работных мужиков тащили в Колывань многотонную заготовку для Царицы ваз... Он умел не только увидеть проблему, но и глубоко, всесторонне ее осветить. «Зачарованная Колывань» (2005 год) — книга-альбом на лощеных листах с цветными фотографиями. Путешествие во времени — так автор определил жанр своего иллюстрированного повествования. Издание осуществлено в рамках проекта «Алтай: XXI век. Имена. Дела. Судьбы» в серии «Малая родина». Слободчиков показывает величие и огромный потенциал Алтайского края. Это попытка пробудить интерес к удивительной стране на юге Сибири, имя которой — Горная Колывань, к заводу, серия публикаций о котором имела большой резонанс и помогла предприятию выжить в трудное время. Так было и с горнорудной промышленностью, возрождать которую Валерий Александрович призывал, доказывая своими публикациями ее необходимость для края. Это только часть большой работы по освещению экономики края, стремлению вывести ее на передовые позиции.

Можно немало рассказать о работе Слободчикова в содружестве с Союзом промышленников Алтайского края, а для меня важен такой эпизод его биографии. Отдельную книгу можно составить из материалов, которые Валерий Слободчиков посвятил братьям Михеевым, старающимся привнести новизну в производство крупяных изделий, положившим много сил и здоровья на организацию собственного предприятия. И надо было видеть, как ликовал, плясал от радости и плакал от счастья вместе с братьями журналист (всего-то!), когда был запущен крупной завод михеевской фирмы «Интер».

Но мы отвлеклись, речь ведь шла о путешествиях и походах.

«В хлопотах по ремонту домика в Семёновке, — начинает свой очерк «Крещение Чарышом» Слободчиков, — отпуск стремительно катится к дню отъезда в Барнаул. Еще неделя, и прощай мечты о рассветах и закатах на горных перевалах, встречая и провожая которые непременно возвращаюсь к дням далекой уже юности. Воспоминания эти припорошены грустью, но, как зазимок поздней осенью, светлы и бодрящи...

— Хватит тюкать топором, — возвращает меня к обыденности голос лесника Алексея. — Звонил твой друг Кокоулин, просил передать, что на Чарыше дрова для костров нарублены, шампуры для шашлыков начищены. Труба в поход зовет!

Дом на клюшку, рюкзак в багажник (у Валеры был «Ниссан», похожий на кубик, и назывался-то он соответственно — Cube. Машина с низкой посадкой, для бездорожья, прямо скажем, не очень подходяща, но в хозяйстве незаменимая — вместительная), и уже через час в Змеиногорске за кружкой чая верстаем мы с Кокоулиным наш маршрут. Заботами друзей предусмотрены в нем и сплав по Чарышу, и съемки в маральнике, и, как минимум, дюжина сюрпризов от организаторов похода.

— И все это за четыре дня?! — ужасаюсь я. — Пожалей, Саша, мои преклонные годы!

— Кланяться будешь потом, — отменяет сомнения Кокоулин...»

Довелось и мне побывать в одном таком походе. От Змеиногорска до Сентелека на автомобиле, а дальше на тракторной тележке, прицепленной к «Беларуси», по размазанной колее в горы. Ночевка с разговорами до света, шашлыки, замечательная змеиногорская водочка (к тому времени ликеро-водочный завод доживал свои последние дни. Тут Слободчиков не вмешался, может, оттого что у него самого отношения с водочкой временами складывались не в его пользу) ... А с утра — выпивал, не выпивал, отдохнул или нет — вперед и вверх, по тропе к горным ледяным озерам, к травкам и корешкам, к кедрачу с поспевающим к тому времени орехом. Одним из инициаторов похода был все тот же Александр Кокоулин, в то время началь-

ник Змеиногорского автотранспортного предприятия, человек, уважаемый всеми без исключения, великолепный организатор, которого много раз уговаривали идти в главы администрации города. Не шел. Запомнился мне тот поход, еще бы сходил, да распалась команда, до срока ушел из жизни Александр Леонидович Кокоулин.

Думается мне, Семёновка пришла в жизнь Валерия Александровича Слободчикова с подачи все того же Кокоулина, который держал в этом поселении небольшое хозяйство и пару гостевых домиков — для себя, коллег и друзей. Здесь большой компанией встречали весну, проводили праздники и провожали лето традиционным гуляньем в день рождения их общего друга, державшего в Семёновке пасеку, Ивана Ивановича Афанасьева. И было это, если мне память не изменяет, в десятых числах октября. Валерий наверняка бывал с Кокоулиным на его заимке, парился в баньке, которую ох как любил! И запала Семёновка со своими островерхими пихтами, веселой речкой Черепанихой, сказочным Голубым озером в душу писателю, и заманила в свои росные сны, и погубила... Потом уже мысли о Семёновке приросли планами, о которых вспоминает Людмила...

Выдержка из еще одного послесловия к книге Валерия Слободчикова «Передать по наследству». Автор Константин Тиунов.

«...Рассказы его о жизни на берегу Илама, о быте и нравах маленькой сибирской деревни, о земляках, родных, близких не отягощены излишней сентиментальностью, или нравоучительностью. Они просты и правдивы. Жизненные коллизии узнаваемы, а персонажи узнаваемы настолько, что кажется, прочитанное вот-вот зазвучит на самом деле... Валерий Слободчиков наглядно показывает, как можно достичь своих целей малыми, в общем-то, средствами. При условии, что за отправную точку берется такое простое понятие, как честность перед самим собой и своими читателями. И еще одно условие — при любых обстоятельствах не изменять самому себе. Вот тогда за каждой строчкой читатель будет видеть не только маститого алтайского журналиста, а Тунгуса, бродягу с берегов Илама...»

Уже не помню теперь, какая надобность погнала меня в Москву. Безденежье определило место в последнем отсеке плацкартного вагона, перед туалетом, хорошо хоть — нижнее. Соседи — молодая семья: муж Александр, жена Настя, оба лет 22-23, и их четырехлетняя дочь Арина, обычный ребенок с неумемной энергией, свойственной детям этого возраста. Молодые супруги под стать друг другу, малорослые, некрасивые, искаженные как-то, точно березки, выросшие в тундре. Зато жизнь в них была ключом: они постоянно что-то жевали, пили, болтали, громко разгадывали кроссворды, многозначительно переглядывались, страдая от невозможности уединиться.

А вот и Урал. У Насти испуганные глаза — никогда не доводилось проезжать через туннели. Впрочем, она вообще, кроме Барнаула, нигде еще не была. Для нее эта поездка — великое приключение. До замужества Настя работала в больнице, санитаркой, а как родила — больше не выходила. Смысла, говорит, нет — за такие деньги работать. Какие деньги в деревне — ни для кого не тайна. Александр много всяких профессий на селе освоил, а перед отъездом работал конюхом. При увольнении по расчету, куда вошли отпускные и зарплата, получил четыре тысячи рублей. Недавно по телевизору открыли страшную тайну: оказывается, у нас в стране каждый пятый работающий получает менее десяти тысяч рублей. В городе, понятно, на такие деньги не проживешь, а в селе можно. В селе, по некоторому размышлению, можно вообще людям не платить — огород, подворье, скотина... Правда, для той же скотины дробленку или комбикорм все-таки надо купить. А на что? Или украсть. А это возможно только при наличии под боком какого-нибудь коллективного хозяйства. Ну, поскольку таковых практически не осталось, есть вероятность поживиться в сельском производственном кооперативе. Больше негде, у фермера не украдешь.

Молодость — святое время! Собрались и поехали! Ни профессии толком не имеют, ни знания о том месте, куда направляются. Тетка в Мурманске живет, для начала к ней, счастье попытать в северном портовом городе. С другой стороны — чего им терять? Четыре тысячи на семью с ребенком? А там, глядишь, и коней подьедят, ухаживать будет не за кем. За минувшее лето из их деревни

с замечательным названием Лопатинка (Третьяковский район) уехали четыре семьи. Немного позднее я узнал, что эта самая Лопатинка располагается совсем неподалеку от Семёновки.

Я стал просматривать журнал «Сибирские огни». Толстый журнал — самое удобное дорожное чтение. Вот и по духу близкое, и по теме моих размышлений. Николай Рубцов, один из самых проникновенных певцов российской деревни.

Тихая моя родина!

Ивы, река, соловьи...

Я часто думал об этой молодой семье, помня, что их деревня с трудовым и в то же время ласковым названием находится в Третьяковском районе, то есть в краях, где к тому времени уже обретался Слободчиков. В очередной приезд к нему выяснил, что пути туда от него всего-то пара десятков километров. И вот мы с Валерием отправляемся на его «кубике» в эту самую Лопатинку, откуда сбежала семья Александра. Девятый день по Пасхе. Как известно, в этот день никто не работает, поминают усопших. Черемуха белеет по склонам, первые цветы жмутся к обочинам — настоящего тепла еще нет, но все вокруг будто подталкивает его, подгоняет.

Из-за горы, едва не попав нам под колеса, вылетает расхристанный мужичонка лет сорока. Из местных кто-то, догадываемся, уже напоминался. Чуть проехали — на пригорке обочь дороги лежит женщина в обнимку с коровой, горестно уронившей голову к ней на руки.

— Видать, разродиться животина не может, — высказал догадку Слободчиков.

Понятно тогда зачем спешил мужичок, муж, скорее всего, в деревню, за помощью, за ветеринаром. Тут до домов несколько сот метров, наша помощь вряд ли понадобится. Едем дальше. Центральная усадьба бывшего колхоза «Власть труда» Екатериновка остается справа, а мы поворачиваем к горам, к реке Алею и через несколько десятков метров от своротка подсаживаем женщину.

— В Лопатинку? — спрашиваем.

— Туда.

Оказывается, они с мужем в свое время переехали из Лопатинки в Екатериновку, там, в отличие от их деревни, работа есть. А вот теперь оба вышли на пенсию, и зачем она им нужна, копеечная работа!? Пенсионер на селе — зажиточный человек! Уж лучше в старом родительском доме (оставили же за собой!) хозяйством заниматься.

— Рыбак, наверно, муж-то? — интересуемся.

— Да тут все рыбаки, — отмахивается женщина.

Ничего удивительного, вся деревня тянется вдоль Алея, реки нравной, непостоянной в своем характере, но рыбной. Мы на обратном пути проверили, закинув свои снасти, — убедились.

Высадив нашу попутчицу, не спеша едем вдоль села, которое, по сути, являет собой одну вытянутую улицу. Следы большого коллективного хозяйства — заброшенные конюшни да останки скотных дворов, но, как ни странно, село не выглядит совсем уж осиротевшим. Во дворах привычная сельская жизнь, к некоторым заборам приткнуты легковые машины — может, гости пожаловали, а может, и собственный достаток позволяет кому-то иметь личный транспорт.

Места здесь и вправду знатные. Про реку уже было сказано, а по другую сторону деревни начинаются сопки, зеленые сплошь, наверняка медоносные. Дальше уже горы, тайга. Подумалось, что молодым, конечно, делать здесь нечего, но живут же в Лопатинке, в сотнях других таких же деревень родители, деды тех, кто уехал в город. И не все же молодые подались в далекие края, большинство осело поблизости — в Рубцовске, Третьяках, Змеиногорске. И будут они держать здесь, у себя на малой родине, родительские гнезда, чтобы хотя по выходным приезжать, поразмяться, порыбачить, а детей определять сюда на все лето, на настоящее молоко и сметану. А там, придет время, сами нынешние молодые выйдут на пенсию — и, глядишь, сюда, на место родителей приедут. Сказка — а хочется верить хотя бы вот в такую, ущербную, мало обнадеживающую, жалко деревню-то, если вот взять да и забросить ее насовсем.

Вот с такими мыслями возвращались мы в Семёновку, которая точь-в-точь повторяла судьбу Лопатинки да, очевидно, не только ее. Женщины с коровой на прежнем месте уже не было,

может, бог миловал, удачно разрешилась буренка от бремени. Все вокруг было наполнено величавым спокойствием, все говорило о том, что земля эта всякое видывала — и непогодь, и неурожай, и чудеса людской предприимчивости. Да вот все жива, таровата, все так же зеленеет и цветет по весне и отсыпается под зимними покровами. И говорит будто бы детям своим неразумным: «Человече! Живи и радуйся! Пользуй меня, а я тебя не обижу!»

Собирался в Семёновку Валерий Александрович долго, надёжно, надолго. Никакого секрета из своих сборов не делал, напротив, со многими из редакции делился радостью по поводу нового хозяйственного приобретения. Все, что придумало разумное человечество для ведения домашнего сельского хозяйства, было приобретено: топоры, пилы, шуруповёрты, рубанки, газонокосилки. И все, заметьте, самое лучшее, на электричестве или на бензине. Редакционные относились к подготовке коллеги с сочувствием. А иные и помогали. Работник хозяйственного цеха Ярослав тащил к Слободчикову все, что, по его мнению, могло пригодиться, — и какие-то хитрые типографские упаковки, и пластик, и металл. Все это, разумеется, в производстве уже свое отслужило. Иной раз Ярослав приподнимет очки, погладит приношение, скажет:

— На даче бы мне пригодилось... Но дача — баловство, тебе там это будет нужнее. Бери!

Народ всегда толпился в кабинете у Слободчикова, только теперь уж все реже о делах говорили. А у него в редакции по-прежнему холодильник был наполнен выпивкой и закуской. Сам хозяин кабинета в ту пору не брал в рот ни капли, а угощал всех и каждого с удовольствием. Более хлебосольного коллеги в редакции ни в какие времена не знали.

В выходные и последние свои отпуска Валерий мчался в Семёновку готовить для себя будущее житье-бытьё. Там помогали ему материалами, а порой и своими руками местные, которые враз приняли Валерия за своего, и змеиногорские друзья. В свое время старые хозяева перевели баню в жилой фонд, надо было восстановить историческую справедливость. Как это — Тунгус без бани! Между делом жена Людмила, поддерживающая желание мужа перебраться после выхода на пенсию сюда, разбивала

сад, закупив самые лучшие саженцы яблонь, слив, вишни, планировала размещение огородных посадок. Надо думать, не просто далось ей семейное решение о переезде мужа. Ведь предстоял, простите за образ, вахтовый метод семейной жизни. Людмиле было до пенсии далеко.

Вот и подошло время. Прощание в редакции на скорую руку, основное гулянье по поводу шестидесятилетия и новоселья там, в Семёновке. Забегая вперед, скажу, что по предположениям юбиляра гостей должно было быть человек двадцать-двадцать пять. За столом насчитали семьдесят...

Гости из Барнаула, Змеиногорска, Колывани, Староалейки, Семёновки. Мне досталось ответственное дело — готовить марала. Благо из Змеиногорска друзья прикатали солдатскую кухню, разделанная животина, почитай, целиком туда поместилась. Развел огонь, засыпал специй да приправ и закрыл крышку — вот и вся готовка. Помимо меня над угощением трудились специально приглашенные люди. Из горячего, кроме маралятины, были куриные бедра, еще что-то жарено-тушеное... Последнее, что я помню, — манты. А помнил я не все. Говорили. Много говорили, хорошо. Желали, верили, надеялись. Разумеется, сестра Веры и Надежды всем верховодила — Любовь. И все были искренни. И все искренне надеялись. И тот, который всегда был искренне ваш, сидел с глазами, полными слез.

И потекла жизнь Тунгуса в новом направлении. Что было без меня — не знаю, сам Валерий Александрович не делился. У меня однажды зародилось подозрение: без меня происходило то же самое, что и при мне. Приезжал я несколько раз, познакомился с местным народом, коего насчитывалось с десятков. Люди добрые, отзывчивые, некоторые говоруны не в меру, другие чересчур молчаливы. Валера ходил с кем-то из них на рыбалку, кого-то приглашал помогать гараж строить, крышу перекрывать, кого силки на кротов ставить — весь участок изрыли постылые! А кто приходил просто чайку попить. Сметана, молоко, яйца — только пожелайте, Валерий Александрович! В холодильнике у него, как всегда, пусто не было. То в Барановке мясо по «кол-

хозной» цене выпишут, то Кокоулин из Змеиногорска подбросит. На второй год друзья-змеиногорцы завезли ему цыплят бройлеров. Валерий Александрович ставил мордушки в речке Черепанихе, которая протекала в пятнадцати шагах от его калитки, и цыплята с удовольствием поедали добытую таким образом рыбную мелочь. Им это, говорят, очень даже полезно. Выросли здоровенные. За зиму хозяин едва одолел припас курятины. А на следующий год что-то не задалось с домашней птицей, передохли цыплята. Были собаки, одна очень даже породистая, красивая. Тоже не задержались... Надо что-то приготовить на обед, надо в хозяйстве какую-никакую мелочь подправить, надо принять визитеров. А ведь летом редкий день без гостей, а то и городские нагрянут. Те, отпускники, как правило, на несколько дней заявятся, на неделю. Развлекай, хозяин, показывай красоты и достопримечательности. В общем, туда, сюда, с тем, с этим, одно да другое — глядишь, день прошел. И вроде не делал ничего особенного, а устал.

В один из первых приездов хозяина дома я не застал. Дернул дверь — открыто. Зашел. Чисто, прибрано, на столе ноутбук, подаренный на юбилей Юрием Шамковым, тогдашним директором завода асбестовых технических изделий, героем нескольких очерков Слободчикова, впоследствии ставшим, как со многими героями это бывало, другом Валерия Александровича. Рядом с ноутбуком раскрытый журнал «Алтай». Посмотрел: роман Николая Шипилова «Псаломщик», отмечены строчки:

«Что цыгане! Русские и не заметили, как стали давно уже кочевым народом. Все эти общечеловеки и иже с ними искусно превратили нас в зрителей, которые шуршат бумажками чупа-чупсов на собственных похоронах. Мы взвесь, страты. Листва вывороченного бурей дерева, карча с иссыхающими корнями. И семья наша в третьем уже со времен падения монархии поколении, как безродная, кочевала с острова Сахалин на материк, на кузбасские шахты, к обвалам, черным пирамидам отвалов. В Пустыню Ивановну...»

Вскоре и хозяин объявился, у соседей был, новеньких. А в этих новых соседях появился дачник, крупный предприниматель из Рубцовска, хозяин и директор промышленного предприятия.

Человек интересный, хотя и молодой, но много повидавший, к тому времени он уже имел квартиру где-то в теплых зарубежах. Сам замечательный собеседник, а с ним того занимательней, этакий тип, часто встречающийся при крупных деятелях, быстро и ловко соображающий, компетентный в вопросах производства и коммерции. Да, в общем, не столько ценный своими качествами, сколько умеющий подстегнуть шефа. Этакий катализатор мозговой деятельности. Валера взалхлеб рассказывает о своих новых знакомых, с кем он уже подружился...

А в глазах — всмотреться повнимательней, заглянуть поглубже — та самая Пустыня Ивановна.

Напоминаю разговор, свидетелем которого я оказался случайно. Просто мы тогда работали вместе в разлюбезной нашим сердцам газете «Алтайская правда». Редактор дружески наставлял будущего собкора по Змеиногорскому и Третьяковскому районам:

— Да ты по очерку, по зарисовке о жителях обеих Семёновок сделай — работы на пару пятилеток. Знаю деревню, там что ни дом, то государство, что ни житель — академик...

— Ну, и где твои академики? — спрашиваю.

— Да двести строк с меня уж месяц трясут, некогда!

— А зарплату отнимут?..

— Да пошла она, эта зарплата!

И без перехода начинает мне рассказывать что-то вроде анекдота. Из жизни.

— Приехали ребята, засиделись, я, как всегда, чай да кофе поочередке, мужики водочку. А время уже далеко за обед. Вспомнил, фонарь-то уличный у меня не работает. Ночь настанет — носы тут гости порасшибают, не зная тропок. Звоню Кыле, электрику местному, вообще-то он Николай, и фамилия у него Голов. Семеновские прилепили: Кыля да Кыля. Приходит. Ну, понятно, первым делом за стол. Стопка, другая, третья. Э-э, говорю, братан, так ты у нас до столба не доберешься. Все, в момент Кыля натягивает когти, ремень. Полез. Возится, возится, а дело что-то не идет. «Мужики! — кричит сверху. — Вам там не сильно хорошо, без меня-то?» Короче, придумали мы ему такой поставец на веревочке, стопку наливаем — и туда. Не частит ли? — думаю. А мужикам игра понравилась. Поиграли, поиграли да и забыли. И я-то —

не пил ведь! — а тоже забыл. Тут бежит — аж трава вянет от ма-
тюков — Иван Иваныч.

— Паразит ты этакий! — добегает он до столба. — Там сви-
ньи голодные изорались! Мне вот делать больше нечего, за тобой
бегать!

И тут, ясное дело, взоры наши устремились горе. А там Кыля
повис на ремне да когтями уцепился и спит себе без заботушки.
Кое-как ведь разбудили...

— Пишешь? — спрашиваю напрямую.

— Да вот повесть закончил было, но понял: не то. Сжег все
листочки мои. Сейчас новый замысел вынашиваю.

— А что листочки-то, Валера, в компьютере взял да стер, а по-
том, глядишь, подправил...

— Так я его еще не освоил, — простодушно отвечает Вале-
рий Александрович. — Стоит вот, своего часа дожидается.

Я ушам своим не поверил, год прошел, а он, видишь ли, не ос-
воил!

— Давай, садимся прямо сейчас, осваивать будем.

— Да ладно, баню надо готовить, у меня веник с можжеве-
ловой веточкой, вот где аромат! А это, — он небрежно кивнул
на компьютер, — чего там осваивать, время выберу — за вечер
управлюсь. А завтра на Алей поедем, там место одно знаю — со-
рога — на ладони не помещается!

— Подожди, — прервал я его, — а как же ты материалы в га-
зету передаешь?

— По телефону, надиктовываю стенографистке.

То есть, как полвека назад. Я-то уж, честно говоря, думал,
что их, стенографисток, давно посокращали за ненадобностью.
Неужели специально для Валерия Александровича держат?
Или есть еще такие же мастодонты?

В ходе нашего разговора позвонили из редакции, напомнили
про двести строк.

— Что, материала не хватает? — поинтересовался я.

— Да ну, полна коробочка, только сесть и отписаться.

— Ты утром во сколько встаешь?

— В половине шестого, когда в шесть.

— Значит так, — начал я проявлять инициативу. — С рыбал-

кой успеется. И лично я раньше половины восьмого подниматься не собираюсь. А ты встаешь в свой час и отработываешь газетное задание. Потом мы завтракаем, и, глядишь, в конторе рабочий день начнется. Передали материал — и на рыбалку.

Честно сказать, я чувствовал себя идиотом. Я кому даю наставления!? Газетному волку, который все про газету, ее правила и законы изучил вдоль и поперек почти сорок лет назад! С другой стороны, я же вижу: с ним происходит что-то непонятное, что-то выходящее за пределы его натуры.

Утром нахожу его в летней веранде. Перед ним чашка с кофе (подумал, эта не первая и не вторая за сегодня), пепельница с горой окурков. А глаза счастливые и смотрят куда-то сквозь меня! Я даже обернулся, но не увидел ничего, кроме ярко зеленеющих склонов, облитых утренним солнцем и легкого облачка, спустившегося к самому изножью сопок.

— Сделал?

Он махнул рукой, дескать, пустое!.. И на рыбалку мы в тот день не поехали. Чем занимались? А вот и не вспомню. Там, как оказалось, можно ничем не заниматься и день упустить, как песок сквозь пальцы. Семёновка — рай земной на южной границе Западно-Сибирской низменности. Она расположилась в чаше, окруженной сопками, где поросшими можжевельником, черемухой и другим мелколесьем, где пихтачом. С северо-востока ее огибает речка Черепаниха, а немного пройти по склону на запад — открывается великолепное озеро Голубое. Оно скорее бирюзовое, временами изумрудное из-за обилия растворенного в воде медного купороса. Да мало ли сопок с пихтачом и чудесных озер в предгорьях Алтая, в горах! Но это место какое-то особенное, зачарованное, что ли, наколдованное... Не зря, ой, не зря мудрый, все знающий и понимающий Кокоулин устроил себе здесь заимку! Но он приезжал сюда отдыхать от работы.

Кстати, Семёновку активно начали обживать дачники. Об одном я уже упомянул, другой, тоже предприниматель из Рубцовска, поставил на берегу Черепанихи целую базу отдыха. Видел своими глазами: летом она почти всегда заполнена.

Сколько бы я ни приезжал в Семёновку к Слободчикову, распорядок наших дней почти не менялся. Я встаю, занимаюсь огородом, складываю дрова в поленницу, сколачиваю углярку, попросту ларь для угля, а то он с прошлой осени, как завезли, навален посреди усадьбы. Да мало ли дел в деревне! Валера сидит на веранде за чашкой кофе и прикуривает сигареты одну от другой.

Людмила, жена Слободчикова, рассказывает:

— Накрыли крышу на веранде дома новым рубероидом. Приезжаю как-то — а в новой кровле три дыры. Откуда, Валера? Да я, говорит, залазил на закат посмотреть, оттуда он совсем другой. Потом решил пол на той же веранде линолеумом застелить. Хорошо, говорю, только сначала надо дыры на крыше заделать, иначе какой толк от нового линолеума? Трижды собирался полом заняться и столько же раз я ему про крышу напоминала. Так и застелил пол, а крыша осталась с дырками.

Мимо усадьбы проходит Гера Былин из большой Семёновки.

— Пошли хайрюза ловить! — зовет Валерия.

Тот отмахивается, как от чего-то давно надоевшего.

— Вон с ним, — показывает на меня, — идите.

Нашлись подходящего размера бродни, снастей у Слободчикова — на взвод хватит. Идем тропкой вдоль Черепанихи, цепляясь за кусты, путающиеся в ногах, за траву, ростом выше кустов, а у меня из головы не уходит тот первый Валерин хариус, которого сломя голову несся он деду показывать.

Через пару дней тормозит на дороге возле домика здоровенный трехосный ЗИЛ. С подножки соскакивает высокий черно-волосый красавец лет сорока. Мне представился, назвавшись Сергеем.

— Капканы на медведя поставлю. Да участок свой проведать надо, лесу наваляло.

— Можно, я с вами? — загорелся я.

— Там... — Сергей помялся, — силенка нужна будет да и ночевать в сторожке придется.

В конце концов согласился. Я быстро собрался и мы двинулись в путь. Первая остановка на поляне в глубине тайги.

— Ага, побывал мишка! — Сергей осматривает пустые фляги,

тросами прикрепленные к деревьям. — Я его прикармливал тут, ну, чтоб в другой раз пришел.

Мы вытащили из кузова фляги с тухлятиной (человеку близко не подойти из-за вони, а медведь любит!), разложили по опустошенной посуде.

— Придет?

— А куда он денется! — весело заверил охотник.

Едем дальше. Тайга, луговина, опять тайга. А вот и новое знакомство — речка Аргуниха, впадающая в Черепаниху. Конец маршрута — избушка охотника, Сергеева избушка. Он охотник-промысловик, настоящий, с лицензией, с закрепленным за ним участком.

— Не люблю голодные годы, — говорит он, — задирает меня как мужика. Я официально в охотниках с восемнадцати лет. Всего восемьдесят четыре соболя добыл, не много... Это вот Брагин луг, зовется так по имени бывшего охотника. Чуть повыше избушка дяди Лёхи Ананьева, завалилась...

Я таскаю воду из рядом бегущей Аргунихи, Сергей налаживает лежанку для меня, готовит еду.

— Охотников-то у нас хватает, да все больше так, вольные стрелки. В Семёновке зарегистрированы три ружья, а на самом деле сорок шесть стволов, это про которые я знаю... Да к добру бы! То и дело самострелы, из-за баб, представляешь? А там бабы — название одно! Так и живем: молодые пьют — мозгов нет, старые — жизни нет. Сын до армии: — Я, как отец, жить не буду! — А как? Посмотрим... — Он задумался, помолчал с минуту. — Нам ведь ничего от власти не нужно, оставьте школу, фельдшерский пункт и почту. Все!

Отвечеряли, спать легли. А утречком в тайгу, там работа. Сергей «Дружкой» распускает поваленные стволы на чурки, я загружаю их в кузов, который через пару часов показался мне бездонным. Чурки — едва в обхват, а то и больше. Охотник неутомим, а мне куда деваться, отставать нельзя. Жара наступила, а мы все пилим и грузим. Но вот, наконец, подошла очередь хлыстов — на прожилины для забора — это полегче.

Закончили, пора в обратный путь. Домой дорога, как всегда, веселей и короче. Сергей рассказывает.

— Младший мой — вот настоящий сельский житель. Придет к коровам — разговаривает с ними, ласкает. Дотошный. Разберет что из техники — собрать не может. Ну хоть разберет, поинтересуется. Старший пришел из армии — невесту нашел в Новокамышинке, старше его, городская. Дома не видим. Мать: вот, дождались солдата! Навоз выкидать некому! С пчелами не помогают (у Сергея своя пасека), не приведи бог, укусят. Лучше мы картошку тятать. А уж ненавистнее этого занятия у них нет... Восемь дней дома не был, уезжал — полный порядок оставил. Приехал, увидел: свиньи пролет у забора снесли, в огород ломанулись. А на что они мне, свиньи? Привычка! Свинья за два года даст привесу с центнер, а сожрет тонн пятнадцать. Да что я, мяса не добуду! — Сергей усмехнулся невесело. — К собакам хожу жалиться, вот те меня понимают. А в деревне одна алкашня. Петли поставили — лось попался, на лося медведь пришел, тоже попался. А эти охотники — слов нет! — давай пить. Сгноили и того, и другого. Жить им плохо!.. Я тут как-то лосенка увидел. Ружье вскинул — а лосенок этого года, мамку, видать, грохнули, вот ходит, ищет. Подходит ко мне и мордой чуть не в ствол тычется... Через четыре дня убили, родственник мой, дядька. Так я с ним по сей день не разговариваю. Что, с голоду пухнете? А у меня самого на тот раз, точно, дома шаром покати, а тут мамкин день рождения на носу. И вот через пару дней я беру хорошего сохача. Бог, он там все видит и все направляет...

Валерий Александрович встречал нас за оградой, машину издалека услышал.

— Возвращаю в целости и сохранности, — обратился Сергей к хозяину. И в мою сторону: — Ничего, выносливый!

Вечером, за чаем меня так и подмывало спросить, не писал ли Валерий про Сергея? Да и так догадался: не писал. И еще удержал от вопроса взгляд Сергея, брошенный как бы вскользь на Валеру при прощании. На чужого посмотрел.

Из книги Валерия Слободчикова «Дом окнами на солнце»:

«Места, где я родился и вырос, наделены памятью. А вернее я, мои земляки и наши далекие и близкие предки наделили их ею...

За старой почерневшей ригой пацаном в прятки играл, в ло-

гах за селом копны возил, в черемушнике, от которого по весне на всю округу дурман, в любви признался...

Деревня-улица. Козырек над рекой. Где бы я ни был, а спроси — отвечу, не задумываясь, без запинки: на околице Ступиных дом, под тремя тополями Пановы живут, у них в соседях Николай Черемных, а двор моих родителей сросся заборами с пятистенком Алексея Ивановича Козырева...»

Всех из той, далекой жизни помнил Валерий Александрович, все вошли героями в его пронзительные рассказы. Все. Оттуда. Издалека.

Валерий задумчиво смотрит вдаль, в руке сигарета, перед ним чашка с недопитым кофе. И я вдруг подумал: а как же он тут зимой? Снежные заносы, безлюдье, никаких тебе гостей, никаких дачников и туристов. С одной стороны — красота, ничто и никто не отвлекает, сиди себе и пиши, а с другой — все-таки привык на людях жить. Потом я узнал, что он зимой частенько сбегал из Семёновки. В город, домой наведывался, а то и неделями жил. На Белое озеро в Колывань несколько раз ездил на подледный лов, там он желанный гость — стол, ночлег обеспечены. Уезжал в горы, в тайгу, в Тигерек с егерем Юрием Кондрашкиным.

Жена Людмила вспоминает:

— Для него это были физически тяжелые поездки, на снегоходах, но он очень ценил их и рвался в тайгу. Всегда привозил замечательные фотографии и возвращался другой, какой-то очищенный от «нерва», мужик мужиком.

А компьютер ждал и ждал своего часа...

К концу второго лета Валерий Слободчиков написал главному редактору заявление с просьбой уволить его по собственному желанию.

Приезжали к нему в гости родственники из далеких родных его краев. На собственной машине, не побоявшись расстояний и бездорожья. Дожди в то лето, не переставая, лили по всей Сибири. Семейная пара — не молодые уже, но веселые, забавные, любопытные до всего.

— Видал, — с гордостью сказал мне Валерий, — сколько в наших-то жизни!

В каждый свой приезд к Валерию я подолгу смотрю на фотографии, где дядя Саша пляшет на берегу в компании своих близких. И не могу понять, почему так притягивают и в то же время так печалят, так холодом берут за сердце эти снимки?

Из воспоминаний Людмилы Слободчиковой:

— Ничему из наших прекрасных замыслов не суждено было свершиться. Валера не отказывался, не противоречил, не бунтовал, но главным словом стало «ПОТОМ». И первое, что я поняла, — строить мы ничего в Семёновке не будем, дай бог содержать то, что есть. И туризм тоже развивать не будем — мне одной не вытянуть. Он мог часами наблюдать с крыши дома за рассветом, движением облаков, неспешной семеновской жизнью, выстраивать какие-то свои планы, проекты, сюжеты, как говорим мы, психологи, «во внутреннем плане», выкуривая сигарету за сигаретой и выпивая несметное количество кофе. Все реже и реже он писал, но, созерцая, уставал или перегорал, и было такое впечатление, что он уставал от своего внутреннего созерцания, как от тяжелой работы. Просидит несколько часов на одном месте, а потом встанет: «Я устал, пойду отдохну». Физически был здоров и крепок, но говорил о себе часто, как больном, старом и немощном.

Три зимы и три лета прожил Валерий Александрович в Семёновке. На четвертое лето, а вернее еще с весны его начали донимать какие-то непонятные болезни. Он лечился и вроде бы успешно. Во всяком случае, когда мы в то лето встречались с ним в городе, выглядел он вполне здоровым. Да я думаю, он и был здоров.

А из Семёновки в то лето он уехал. Насовсем.

Я мало что знаю из жизни Валерия Александровича Слободчиков, куда меньше, чем знал бы по-настоящему близкий ему человек. Многие он почему-то утаил. И не только от меня. Но...

«Красная книга любви» — это из стихотворения в прозе «Размышления на медвежьей шкуре». В Красную книгу любви, по мнению Валерия Слободчикова, пора тем, кто верит в любовь,

как в чудо, кто далек от прагматизма, когда дело касается этого самого удивительного чувства, дарованного человеку. И пускай некоторые псевдоноваторы считают писателя Слободчикова старомодным. Я их адресую к его рассказам.

Он ушел, не изменив этому своему отношению к чуду, может быть, разочаровавшись в чем-то другом, тоже очень и очень важном, когда кажется, что силы жить и любить уже неоткуда черпать. Когда он заболел, доктора помогли, но организм отказался помогать докторам.

А я думаю еще и о том, что Семёновку, эту сказку земную, нельзя было подпускать к себе так близко. Или себя к ней. Эдак тоже, на мой взгляд, верно. Так же как писателю не стоит погружать в жизнь себя самого полностью. Может быть, надо все-таки чуть отойти от нее, посмотреть со стороны. Иное опасно. Затягивает. Становится главной твоей сутью. А возвращение к родному очагу тянет за собой неотвратимую привязанность к другому, тоже ставшему родным дому, который оставить нельзя, но и жить в нем уже не вмоготу. Вот и получился, как в священном писании, дом, разделившийся сам в себе.

Postskriptum.

Через пять с половиной лет после ухода Валерия Александровича мы со вдовой Людмилой решили проехать по тем местам, где прошли последние годы Валерия Слободчикова. Побывали на Колыванском камнерезном заводе, зашли в гости к бывшему директору его, нашему общему другу, человеку, влюбленному в камень, Борису Григорьевичу Пчелинцеву. Повечеряли вместе с ним на Белом озере, даже рыбачить попытались. Пять чебаков — вот весь наш улов. Но, как бы там ни было, отметили памятное место по-рыбацки. Потом был музей в Староалейке, где Валерию Александровичу отведена целая комната. Тут книги, записи, рабочий диктофон, дипломы и, конечно же, фотографии. Сразу же по глазам ударили две те самые — «Потерянные берега». И опять я подумал, что в них зашифрована какая-то важная тайна, может быть, пронесенная Слободчиковым через всю его жизнь. И, вполне вероятно, ранившая его навсегда.

И вот Семёновка. Дорога знакома, она теперь не лучше и не хуже, та же щебенка, лишь местами уцелели куски асфальта, что только портит и без того не очень гладкое полотно. И деревни на местах — Первокаменка, Новокамышенка, Шипуниха, Семёновка. Доезжаем до Черепанихи — оп-па! А моста-то нет! Навстречу попался паренек, спасибо, объяснил: чуть ниже по течению есть брод, хороший, проедете. Потом уже мы узнали, по нашему старому хилому мосточку решил проехать ЗИЛ, груженный кирпичом. Вот и не стало мосточка.

Сразу к усадьбе решили не идти, будто опасаясь чего. Новые хозяева... Кстати, дом приобрел тот самый коммерсант из Рубцовска, который построил базу отдыха на берегу Черепанихи. Народу там и этим летом хватает, я насчитал с десятков автомобилей. Это посреди недели, в рабочий день. К кому же пойти? Лесник Алексей перешел работать в Тигирекский заповедник, вряд ли сейчас дома. Рукастый и головастый добряк Саша переехал в Староалейку. На заимке Кокоулина вряд ли кого найдешь. Умница, авторитетный руководитель и организатор больших Змеиногорских походов Саша Кокоулин умер спустя два с небольшим года после Валеры. Иван Иваныч и в доброе-то лето больше по выходным бывал здесь, занимался своей пасекой, а нынче пчелы не работают, меда будет мало. Погода им не нравится или еще что. Охотник, пасечник и философ из Колывани Павел Шишов сказал нынче, когда мы в гостях у него пили травяной чай с медом свежей качки:

— Однако пчела скоро совсем уйдет с Земли.

Остается друг сердечный, вечно неунывающий Кыля. Мне он запомнился радужной улыбкой и вечными поисками своей буренки, любила коровка забираться куда подальше, тоже — натура! Меня прежде всего удивило обилие травы, чертополоха и крапивы, да рослое все, мощное — ничего за зарослями не разглядеть. Подходим — а дом-то не узнать, другой дом на месте Кылиного.

— Ой! — спохватилась моя спутница. — Забыла сказать, дом ведь у Кыли сгорел, новый отстроил.

А хозяин уже спешит к нам навстречу. Росточком невелик, и над бурьяном мелькает лишь его макушка. А все тот же: волосы до плеч, улыбка до ушей...

— Ух ты! — радуется. — Приехали, молодцы какие! А я тут забегался, корову ищу.

Тут уж пришло время мне хохотать.

— Постарела, а все бегаешь?

— Да эта уж, однако, третья с той поры.

— Ну, знать, судьба!

Новый дом получился, на мой взгляд, не хуже старого, просторный светлый. Правда, в некоторых комнатах еще не закончена отделка. Зная Кылино философское отношение к жизни, я подумал, что доделки могут продолжаться долго. А удивила больше всего жена его, Надежда. Много ли времени прошло, как сгорел дом со всем имуществом (спасти успели документы да кое-что из хозяйственной утвари), а она новых вышивок наделала — на каждой стене по несколько штук, а на двух стенах настоящий вернисаж. И вышивки — поверьте — настоящие произведения искусства! Это ж надо, у них дом сгорел — а они вышивают!

За чаем хозяева рассказали, что новый дом помогали им строить миром. Среди помощников и сын Валерия Слободчикова, Антон, который обеспечил им получение приличной суммы через банковский союз, где он работает. Не знаю почему, но это известие наполнило меня гордостью за друга, известного своей щедростью, за его сына, проявившего участие в тех, кто когда-то был рядом с отцом... А есть еще внук Семён, который скоро станет совсем взрослым и увидит мир своими глазами. И мир этот будет отличаться от того, что видели отец и дед. Но что-то все же останется, это непременно.

И еще одно. Рассказывая о пожаре, Кыля упомянул портфель с бумагами Валерия Александровича, который тот, уезжая из Семёновки, оставил ему на хранение. Сгорел портфель, сгорели бумаги. Что в них было — теперь никому не узнать. Может, то самое, из-за чего Валерий в свое время удалился от привычной обстановки. Или часть того самого. Или самое начало...

Заехали проведать озеро Голубое. Тут все без изменений. На берегу компания молодых людей, приехавших сюда на машине. В какой-то момент мне показалось, что это та самая компания, что застали мы здесь восемь лет назад. И та же машина — потрепанная иномарка, и та же музыка, ревушая из автомобильных

колонок, и то же наше недовольство: приходишь сюда наслаждаться красотой и тишиной, и всякий раз кто-нибудь помешает. И ничего не поделаешь, мир стал доступен во всех уголках... Ладно, бог с ним, с миром. Но, показалось в какой-то момент: ничего и вправду не изменилось. Сейчас мы поплаваем немного и отправимся назад, к тихому домику на самом краю Семёновки. А там поджидает хозяин, уже чай настоял на травках по собственному рецепту...

И вот мы подъезжаем к бывшему домику Валерия Александровича. От объездной дороги, откуда Слободчиков сделал въезд в гараж, все заросло непроходимым бурьяном. Заходим с другой стороны, здесь тропа, пробитая в таких же зарослях, в коих утонула вся Семёновка. Вот двор, тут ничего не узнать, разве что куст черной смородины, доживший еще со времен стариков, хозяйствовавших здесь до Валерия. Вся сплошь усыпана спелой ягодой. Видать, новым хозяевам без надобности. Веранда, где он любил сживать с неизменной сигаретой и чашкой кофе, завалилась. Посреди огорода расчищен пятачок, где топорщатся кустики помидоров, еще какая-то зелень. Деревья сада, разбитого Слободчиковыми по периметру участка, едва проступают сквозь стену все того же бурьяна. И показалось мне в этот момент, что никакими силами его уже не одолеть, что, как предсказывает Павел Шишов, уйдет с Земли пчела и, вероятно, еще многое из того, без чего природе не сохранить равновесия, и все земное пространство заселит вот эта зеленая дурь, от которой ни животине, ни человеку пользы нет.

Нас окликнул молодой человек, незаметно подошедший со спины. Оказалось, что это работник с базы отдыха и он живет здесь на время своей смены. То есть, как мы поняли, люди исправляют свои обязанности на базе вахтовым методом, а домик Слободчикова используется в качестве общежития. Стало быть, хозяина в нашем привычном понимании этого слова здесь нет. В сам дом мы заходить не стали, единодушно отказавшись от возможности заглянуть внутрь. Что нас там может ожидать?

Тем временем небо начали затягивать низкие тучи, мы рассудили, что дождь может поднять уровень воды в Черепанихе

так, что нам не одолеть переправу, и заспешили в обратный путь. Несколько шагов к машине, оставленной чуть в стороне, — и ни домика, ни усадьбы уже не видать. Лишь чуть поблескивает над мощным травостоем конек металлической крыши. Еще десяток метров — и все, сплошное зеленое пространство. Как и не было. «Чего, чего не было-то, а что было? — спрашиваю себя, оглушенный всем этим мороком, этим утонувшим в беспощадном зеленом море прошлым, явившимся сегодня не в сладких воспоминаниях и картинах, а в полной заброшенности. — А что ты, собственно, ожидал?» — опять задаю себе вопрос. И нет мне ответа.

В Большой Семёновке единственный визит — к Герману Былину, тому самому, кто водил меня на Черепаниху ловить хариуса. — Как рыбалка? — спрашиваю у хозяина, который почти не изменился за эти годы.

— Помаленьку, — пожимает плечами. — Далеко и надолго теперь не хожу, жена сильно болеет, оставлять одну опасно.

Жена Лида, бывший директор школы, как ни болеет, а цветник содержит в идеальном порядке. Здесь у нее не просто порядок, здесь собрание редких для села цветов, несколько видов клематиса, чудные бордовые подсолнухи... Да не перечислю всего, попросту не знаю названий. Кстати, узнал я, школу в Семёновке закрыли, и мне тут же вспомнился охотник Сергей, который когда-то этого опасался. Случилось.

Дорога в обратную сторону: Шипуновка, Новокаменка, Змеиногоorsk...

Ничего в этой жизни нельзя отмотать назад. Может, и не надо. Вернешь потерянные берега — а они, против ожидания, окажутся совсем другими. Потерял — ну, что ж, где-то брод вместо мостика, какой-никакой выход. У кого-то на месте бывшего пепелища новые вышивки, у кого-то невиданной красоты цветы на самой окраине жизни...

А фотографии «Потерянные берега» есть у Людмилы Слободчиковой в электронном варианте. Я попрошу и повешу их у себя дома. Буду смотреть на них, на дядю Сашу, смотреть и думать, как это для нас возможно, как это нам ведомо — плясать и плакать!